

Чжао Цзи прекрасно понимал, как важна безопасность ключевых свидетелей. Прежде чем вызвать чиновника судебного патруля, он негромко распорядился:

— Ли Сюньхуань, уведи госпожу Цуй-Дун в боковой придел. Подождите там.

Когда слуги закрыли за ними двери, Чжао Цзи жестом велел впустить судью правого военного патруля Кайфэна.

Пока тот шел в залу, Чжао Цзи несколько раз нервно сглотнул, согревая холодные пальцы и невольно потирая ладони. Сказать по правде, внутри у него все буквально ходило ходуном от страха.

Быть императором само по себе оказалось сомнительным удовольствием — бесконечные сверхурочные за эти недели едва не лишили его рассудка. Теперь же ему, человеку совершенно другой эпохи и профессии, предстояло вести судебное дознание. В расследовании и разборе уголовных дел он понимал примерно ничего.

Когда-то в прошлой жизни он баловался детективными симуляторами, но даже там продвигался вперед исключительно методом научного тыка, перебирая все доступные варианты. Он и сам не питал иллюзий насчет своей проницательности и уж тем более не был уверен, что сможет на лету поймать прожженного чинушу на лжи и разбить его доводы в пух и прах.

Но отступить было поздно — приходилось идти напролом.

Время поджимало самым безжалостным образом. Судя по рассказу вдовы, смерть Цуй Мина поспешно признал самоубийством именно судья правого военного патруля, а правитель Кайфэна без лишних расспросов скрепил дело печатью.

Эти двое фактически представляли верховную судебную власть столицы. Случись подобное в его прежнем мире, это было бы равносильно сговору председателя Верховного суда и генерального прокурора. Где в столь сжатые сроки найти чиновника, способного расследовать их преступления и обладающего при этом достаточно весомым покровительством?

К тому же Ли Сюньхуань ради спасения женщины во весь опор мчался через весь Кайфэн прямо в свадебном одеянии. Об этом уже наверняка раструбили на каждом углу. Чем дольше затягивается следствие, тем больше времени у заговорщиков, чтобы замести следы.

Только сейчас Чжао Цзи с горечью осознал, что в его окружении нет ни одного человека, которому он мог бы безоговорочно доверять.

Мысленно вписав в свой рабочий план на будущее жирный пункт «воспитание преданных кадров» и снабдив его чередой восклицательных знаков, он заставил себя успокоиться.

В этот момент в залу вошел судья правого военного патруля. Это был пожилой мужчина с суровым лицом. Его парадное платье сидело на нем безупречно, без единой складочки. Опустившись на колени перед троном, он совершил церемониальный поклон — выверенно, почти механически.

— Ничтожный слуга приветствует Ваше Величество.

Чжао Цзи подметил, как Хэ Цивэй, едва склонившись, быстрым, едва заметным движением поправил полы халата, чтобы те легли строго симметрично. С подобными людьми Чжао Цзи уже сталкивался прежде — их педантичность граничила со скрытым безумием.

— Хэ Цивэй, — ледяным тоном начал Чжао Цзи. — Объясни Нам, почему после кончины Цуй Мина, чиновника шестого ранга нашей империи, дело было закрыто с вердиктом «самоубийство» менее чем за полдня?!

Судье правого военного патруля Хэ Цивэю шёл пятидесятый год. Около пяти лет он бессменно занимал эту должность. Учитывая его возраст, заурядные способности и отсутствие связей, рассчитывать на дальнейшее повышение не приходилось. Единственным его желанием было тихо и мирно дослужить до почетной отставки. Движимый этой скромной мечтой, осторожный по натуре чиновник привык трижды обдумывать каждый свой шаг, панически боясь допустить малейшую оплошность.

Получив внезапный вызов во дворец, он поспешил сюда без промедления, по дороге перебирая в уме все возможные причины императорского гнева.

Когда после поклона государь не повелел ему подняться, у судьи внутри все похолодело. Он приготовился к худшему, гадая, за какой именно промах его сейчас призвут к ответу.

Однако яростный вопрос императора поверг его в полное замешательство. Цуй Мин? Судебный приговор? Самоубийство? О чем вообще говорит Сын Неба?

Вспомнив о недавних изнурительных проверках, которые император устраивал чиновникам, Хэ Цивэй решил, что это очередной изощренный экзамен на знание законов. Он склонился еще ниже, едва не касаясь лбом холодного камня, и заговорил подчеркнуто ровно, чеканя каждое слово:

— В ответ на милость Вашего Величества дерзну напомнить: Уложение Великой Сун, дополненное по воле Державного Предка, гласит: ежели совершено покушение на жизнь столичного чиновника, расследование в Кайфэне обязаны вести младший наместник управы и еще двое судей рангом не ниже пятого. Ежели сие случилось в провинции, дело передается на рассмотрение как минимум троим помощникам правителя области...

Чжао Цзи опешил. У него едва не отвисла челюсть от подобной наглости.

Старик выдал эту тираду так уверенно, словно действительно сдавал экзамен в академии.

«Я тебя судить притащил, а ты мне законы цитируешь?! И ладно бы просто цитировал, но ведь дело закрыли за полдня, и закрыл его ты один! По крайней мере, так написано в бумагах!»

подавив внутреннее раздражение, Чжао Цзи пристально всмотрелся в лицо стоявшего на коленях чиновника. В душе зародилось сомнение: неужели бывают люди с настолько железными нервами? Совершить беззаконие, прикрыть убийство, а при встрече с разгневанным императором невозмутимо цитировать параграфы уложений?

— Хочешь сказать, дело Цуй Мина вел не ты? — глухо спросил Чжао Цзи.

Хэ Цивэй резко вскинул голову. Глаза судьи округлились от неподдельного ужаса, а старческие мешки под ними от крайнего изумления натянулись и разгладились.

— Ваше Величество! Ничтожный слуга и ухом не слыхивал ни о каком деле Цуй Мина! Клянусь, меня оклеветали! Пощадите, Ваше Величество! — придя в себя, он принялся неистово бить поклоны. Звук ударов его лба о каменные плиты гулким эхом разносился по огромной зале.

Чжао Цзи предполагал, что обвиняемый станет изворачиваться, лгать или попытается очернить вдову, чтобы выставить покойного безумцем.

Но к такому повороту событий он готов не был. Неужели они действительно привели не того человека? Но ведь в Кайфэне нет второго судьи правого военного патруля с таким именем!

Нахмурившись, Чжао Цзи повернулся к дверям бокового придела:

— Сяо Тунцзи, позови Ли Сюньхуаня и госпожу Цуй-Дун.

Евнух мгновенно распахнул двери, приглашая ожидавших войти.

Едва переступив порог, госпожа Цуй-Дун увидела бледное лицо Хэ Цивэя, и ее облик вмиг преобразился. Ее взгляд наполнился такой бешеной, испепеляющей ненавистью, что Чжао Цзи не сомневался: окажись у нее в руках кинжал, она без колебаний вонзила бы его в судью добрый десяток раз.

Одно это выражение лица делало любые расспросы излишними, но император все же спросил:

— Госпожа Цуй-Дун, ты узнаешь этого человека?

— Да, Ваше Величество! — вдова упала на колени, не сводя яростного взгляда с дрожащего чиновника. — Это он! Тот самый судья правого военного патруля, что вынес приговор моему супругу. В тот день, когда я умоляла о справедливости у ворот управы, двери на миг приоткрылись, и я успела разглядеть его лицо. Сразу после этого стражники выволокли меня прочь и жестоко избили. Эту физиономию я не забуду до самой смерти!

Хэ Цивэй, всю жизнь кичившийся своей безупречной репутацией, от ужаса замахал руками:

— Ваше Величество! Видит небо, я чист! Клянусь своей головой, за все годы службы я не совершил ничего противозаконного и уж тем более никогда не приказывал стражникам бить беззащитную женщину!

Их показания противоречили друг другу самым коренным образом. Но какой смысл Хэ Цивэю так отчаянно лгать в присутствии государя, если ложь легко раскрыть? Ведь в управе служит множество людей, и допросить свидетелей не составит труда. Кто же из них говорит правду?

— Эй! — бросил Чжао Цзи стоящим у дверей слугам. — Немедленно доставить во дворец всех стражников и приставов, что несли службу в управе Кайфэна шесть дней назад!

Один из евнухов поспешно выбежал исполнять приказ.

Центральный секретариат располагался по соседству с Залом Гражданской Добродетели. Сегодня там несли дежурство государственные советники Хань Чжунянь и Цай Бянь. Разумеется, шум из императорской залы быстро привлек их внимание.

Обычным чиновникам не позволялось обсуждать поступки Сына Неба, но события сегодняшнего дня выходили за любые рамки. Сначала Ли Сюньхуань в разгар собственной свадьбы, облаченный в праздничные одежды, привез во дворец плачущую женщину в траурном саване. Затем спешно вызвали судью правого военного патруля, а теперь и вовсе отправляют конвой за столичной стражей.

Хань Чжунянь и Цай Бянь обменялись тревожными взглядами. Что задумал молодой император?

Сбор стражников затянулся. Кто-то нес караул на улицах города, кто-то отдыхал дома после смены. Чтобы созвать несколько десятков человек и не нарушить при этом порядок в самом Кайфэне, требовалось время.

Прошел почти час, прежде чем первых свидетелей начали поочередно заводить в залу.

Пока Чжао Цзи томился в ожидании, Зять государства Ван Шэнь, воспользовавшись своими привилегиями, тайно провел в дворцовый комплекс неизвестного мужчину. Миновав посты, они напрямик направились к зданию Центрального секретариата.

— Твою доброту я вовек не забуду, брат Ван, — вполголоса произнес спутник Ван Шэня. — В следующей жизни стану волом или конем, лишь бы отплатить тебе за спасение.

Эти слова заставили Ван Шэня изрядно понервничать.

— К чему эти излияния? Я лишь помог тебе войти во дворец. Если у тебя действительно важное дело, почему бы не подать прошение официально? Зачем понадобилось искать твоего дядю в обход правил?

Нынче утром Чжао Цянь преподнес ему несколько бесценных свитков кисти древних мастеров, умоляя помочь тайно повидаться с дядей, Хань Чжунянем. Ван Шэнь, страстный ценитель живописи, не устоял перед соблазном. К тому же речь шла лишь о визите в секретариат, а не во внутренние покои императора. Но теперь, видя смертельную бледность своего спутника, Ван Шэнь заподозрил неладное.

— Брат Чжао, скажи мне честно, зачем ты рвешься в секретариат?!

Чжао Цянь понял, что сболтнул лишнего, и поспешил отмахнуться:

— Пустяки, брат Ван. Просто для меня это вопрос жизни и смерти.

Больше он не проронил ни слова, как бы Ван Шэнь ни пытался его расспросить.

Оставив гостя у дверей секретариата и проводив его взглядом, Ван Шэнь почувствовал, как к горлу подступает холодный ком. Немного подумав, он решительно развернулся и, разузнав, где сейчас находится государь, поспешил к Залу Гражданской Добродетели.

Тем временем Чжао Цянь быстро вошел в канцелярию и, отыскав Хань Чжуняня, увлек его в самый глухой угол. Убедившись, что поблизости никого нет, он рухнул перед ним на колени.

— Дядюшка, спаси!

Хань Чжунянь вздрогнул от неожиданности и попытался поднять его с колен, стараясь держаться подчеркнуто официально:

— Благородный князь Пиннань, что вы творите? Возьмите себя в руки!

Но Чжао Цянь, не обращая внимания на его холодность, зашептал, обливаясь холодным потом:

— Только что государь вызвал судью правого военного патруля Хэ Цивэя и приказал согнать всех стражников, дежуривших в управе шесть дней назад. Я... у меня сердце не на месте. Я

попытался разузнать у людей, что тогда стряслось, но никто ничего не помнит. Тогда я тайно вскрыл архив и обнаружил...

— Что ты обнаружил? — нахмурился Хань Чжунянь.

— В тот день... шесть дней назад... в реестр было внесено закрытое дело с моей личной подписью и печатью. Но я совершенно не помню этого!

Хань Чжунянь побелел от гнева:

— Что значит «не помнишь»?! Как можно подписать судебный приговор и забыть об этом?!

— Я не знаю... — затрясся Чжао Цянь. — В тот день в полдень я сильно перебрал вина. Кажется, мне подсовывали какие-то бумаги на подпись... Я был мертвецки пьян и ничего не соображал!

— Что это за дело? — ледяным тоном спросил Хань Чжунянь.

Чжао Цянь трясущимися руками вытащил из широкого рукава свернутый свиток:

— Вот оно. Я принес его с собой.

Хань Чжунянь вырвал документ, быстро пробежал глазами по строчкам, и его лицо мгновенно утратило всякую краску.

<http://bllate.org/book/18987/1905722>